

Анна Баскова

**ЛЮБОВЬ И НЕМНОГО
ФИЗИКИ**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б27

Баскова А.
Б27 Любовь и немного физики / Анна Баскова – М.: Литнет, 2025. – 200 с.

ISBN 978-5-521-93602-1

Вижу цель - не вижу препятствий! Таков мой девиз по жизни. Но однажды система дала сбой. Вместо достигнутой цели я получила разбитые розовые очки, да еще угодила в нелепую ситуацию. Что из этого в результате получилось? Самое незабываемое, прекрасное лето! И любовь. Не надуманная, настоящая, бесконечная как океан, омывающий берега далекой Австралии....

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93602-1

© Литнет, 2025
© А. Баскова, 2025

Глава 1

Я готовилась. Долго, с волнением, надевала один наряд, снимала, затем надевала другой.

Наконец-то остановилась на брючном костюме цвета фуксия. Где нужно обтягивает, где не нужно показывать, прикрывает.

Так, под укороченные брюки, колготки телесные, на ноги черные лодочки на шпильке, на губы, ярко-красную помаду, капелька духов на шею, еще на запястья, идеально.

Соседка по квартире Анжелка, даже рот приоткрыла, когда увидела эту красоту.

– Ян, очуметь, какая ты... – только и смогла пролепетать.

Итак, вперед.

Фух. Нервно немного. Но ничего, нужно биться за свое счастье!

Иду по улице, ловлю на себе восхищенные взгляды, но ни на кого не смотрю. У меня есть мужчина, он любит меня безумно, а я люблю его.

Скоро прояснится эта неясная ситуация, мы урегулируем мелкое недоразумение и будем счастливы, счастливы, как никто и никогда.

Так что, вперед.

Когда-то, в день последней примерки вечернего платья для школьного выпускного, мама, глядя на меня сказала: может большого ума у тебя нет, но зато у тебя есть то, чего половина женского населения с радостью поменяли бы на ум, у тебя есть внешность, пользуйся этим разумно.

Мама работала учителем литературы много лет, и была за чем школы. Во мне она видела исключительно гуманитария, и ждала, что пойду по ее стопам.

Но, нет. Я пошла по стопам отца. Выбрала физику. Упорно

зубрила законы Гука, Ньютона, Галилея и прочих папиных идиотов. Папа-то мой, физик от бога, лишь по причине природной несобранности и неприспособленности к жизни, не умеющий находить достойное применение своим способностям. Он вообще немного не от мира сего, как мама смогла родить с ним меня, это большой вопрос.

Не суть, то, что для папы считалось элементарным, мне приходилось брать упрямым и механическим заучиванием.

Знакомые поражались: для чего она сдалась, эта физика, будто она чем-то в жизни пригодится.

Я отвечала с показательно искренним удивлением:

– Конечно пригодится. С ее помощью сделаю прекрасную карьеру, и вообще, – неопределенно мотала в воздухе кисть руки, – вообще...

Не могла же я сказать, что вся моя якобы страсть к физике, обусловлена исключительно меркантильным интересом – вырваться из-под маминого крыла, уехать в Москву, к отцу.

Я любила и люблю родной Питер, и маму люблю, конечно, но сколько я буду с ней рядом находиться, столько она будет продолжать меня контролировать, чтоб не сбилась с пути истинного, и сама этот истинный путь выбирать. Натура у мамы такая.

Изначально, мои намеки на возможное поступление в Московский вуз, мама просто-напросто игнорировала, неодобрительно хмыкая, так продолжалось до тех пор, пока я не умудрилась каким-то чудом, занять первое место на городской олимпиаде.

– Знаешь предмет-то, а, знаешь ведь. Сомневаюсь, что я будущую Марию Кюри воспитала, но, пожалуй, и правда отправлю тебя к отцу, в конце концов, я до семнадцати лет тянула, теперь его очередь. – задумчиво проговорила мама, внимательно изучая диплом победителя.

В общем, судьба моя была решена.

Я переехала в Москву, и осенью стала студенткой Факультета общей и прикладной физики МФТИ. Причем, поступить смогла на бюджет, во как.

Отец мне обрадовался, я являлась его единственной наследницей, но не единственной претенденткой на проживание в квартире. Там основательно прижилась гражданская жена отца, Марина Сергеевна, она-то не очень обрадовалась новой родственнице, но с налета, открыто протестовать не стала, маму мою побаивалась, в отличии от папеньки, мама несмотря на интеллигентность, может и в глаз дать.

Тем не менее, избавиться от меня, Марина запланировала, стоило мне на пороге с чемоданом возникнуть, но для этого нужен был обоснованный предлог.

А предлога никак не находилось.

Оказалось, что нет так-то уж мне интересны развеселые студенческие тусовки, со всеми вытекающими из них последствиями, да и времени особенно не было, привычка соблюдать дисциплину и прилежно учиться, оказалась сильнее всяческих заманух. Домой я являлась вовремя, за порядком в своей комнате следила, посуду за собой мыла, завтрак готовила самостоятельно, обедала в учебном заведении, на ужин обходилась творогом, салатом из овощей и кефиром. В общем, к сожалению, Марины Сергеевны, придаться не к чему.

И Марина не вытерпела, пошла ва-банк.

Инцидент произошел перед самым началом летней сессии. В тот вечер я засиделась допоздна зубрила, чего уж там. Марина без стука открыла дверь, стремительно вошла.

— Яна, в шкатулке не хватает десяти тысяч. Твой отец деньги не брал, значит, взяла ты! — остановившись посередине комнаты, заявила громким голосом. И также громко, начала меня стыдить говоря, что папа регулярно выделяет мне некую сумму, хотя я уже три месяца совершеннолетняя, и он не должен, а я, без разрешения залезла в шкатулку, и как я только могла.

Я настолько растерялась, что даже не смогла слово вымолвить в свое оправдание. Просто разрыдалась от обиды, и все. Но тут

явился папа, и встал на мою сторону. Он потребовал, чтобы Марина немедленно передо мной извинилась, сказал, что это нее ее дело, какие суммы он мне выделяет и пригрозил, вышвырнуть ее из квартиры, если еще хоть взгляд кинет на его дочь, то есть на меня.

Марина тут же внезапно якобы вспомнила, куда потратила несчастную десятку, рассыпалась в извинениях, залебезила перед отцом и передо мной, заодно.

Вроде бы инцидент можно считать исчерпанным, но шок от случившегося никуда не делся, я полночи не могла заснуть, а утром первым делом набрала маму, вроде и не хотела ябедничать, но услышав сухой, но такой родной голос, заплакала и рассказала ей все.

Мама приехала вечером. Таких выражений, от интеллигентной учительницы из города на Неве, не ожидал никто.

Стекла и стены московской квартиры дрожали от тембра хорошо поставленного голоса.

Они с гражданской папиной женой даже подрались немного, победила Питерская интеллигенция.

А я, наотрез отказалась продолжать проживать с Мариной на одной территории.

Папа заверил, что квартира по наследству достанется мне, сказал, чтоб на этот счёт не переживала, и сообщил маме о решении снять для меня комнату, на первое время, а там видно будет.

Уж не знаю, как ему удалось ее убедить, но разрешение на отдельное проживание было получено.

Так я обзавелась соседкой, а в последствии и подружкой, Анжелкой.

К слову сказать, переезд от отца никак не повлиял на мое поведение, учиться я продолжала все так же прилежно, если что-то не понимала, просила отца растолковать, и он терпеливо, иногда по несколько часов разжевывал по телефону, не психовал, не бросал трубки.

Мама звонила ежедневно, расспрашивала о делах в вузе, иногда грозила приехать и оторвать оба уха, если что.

Анжелку искренне удивлял мой образ жизни и непонятное для ее разумения стремление, рьяно вбивать себе в голову на фиг не нужную науку.

Даже не пыталась ей объяснить, что это стремление, называется – сила привычки.

А потом в моей жизни появился он. Точнее, появился-то гораздо раньше, но я видела в нем лишь преподавателя профильного предмета, а к середине последнего курса, вдруг разглядела... Он – Аполлон. И как я могла столько времени не замечать? А умен... Мама непременно оценит. Непременно.

Но мама не оценила, назвала меня дурой, велела перестать лелеять тщетные надежды, продолжать учиться, пообещала отлупить как Сидорову козу.

Обещай не обещай, я уже увидела цель и пошла к ней.

Как выяснилось, он, Олег Игоревич, тоже меня заметил, причем давно.

Я ему импонировала, своей молодостью, красотой, чистотой и скромностью и в то же время чем-то диким, рвущимся наружу, но тщательно сдерживаемым. Так он сам мне сказал.

Наш взаимный интерес перерос в любовь, закономерно.

И конечно, в такую, какая только в книгах описывается, в фильмах бывает, она благословлена небесами, космосом, вообще всем подряд благословлена, в общем ни у кого во всей Вселенной такой не было, впервые за все время существования жизни на земле такая любовь.

Все бы ничего, но любимый не свободен. И жена его, как на грех, чем-то больна.

Как честного мужчину, его гнетет это двойственное положение, но долг никуда не денешь, он мучается, но ничего сделать не может.

Я готова ждать ее выздоровления, но сколько же его ждать-то можно?

Собирается она выздоравливать, или нет? Уж определилась бы, как-нибудь!

Любимый плакал, спрашивал, что ему делается? Как разрешить этот неразрешимый вопрос?

Наконец мне надоело и я решилась. Адрес уже давненько узнала, где он с больной женой проживает, зная, что дома его не будет, собралась и иду расставлять все точки, как говорится, везде, над И, над Е, и над всеми остальными буквами алфавита.

Приду вся такая красивая, стильная. Вся такая строгая, серьезная.

Покажу этой бедной, больной женщине, что ее супруг достанется ни какой-нибудь вертихвостке, а перспективному молодому специалисту.

Я ведь стану специалистом, в конце то концов!

А ее мы не бросим, позаботимся непременно, сиделку внимательную найдем, или устроим в хороший пансионат, с круглосуточным уходом.

Так я размышляла, бодро шагая по направлению к своему счастью...

Идти было недалеко, я давно уже это знала, и вот наконец подошла к пятиэтажному кирпичному дому постройки середины прошлого века.

Сердце колотится, уши закладывает.

Так, спокойно, приказала себе.

Черт бы побрал. Перед площадкой нужного мне парадного, раскорячился грузовик – фургон. Не бесцельно, конечно, раскорячился, грузчики в синих спецовках, загружали в него массивные кресла, обтянутые бежевой кожей. На асфальте рядом с машиной, картонные коробки, замотанные скотчем наставлены. Кто-то из жильцов переезжает, похоже.

Обогнула грузовик, ступила на площадку.

Да что ж такое, в дверях парадного застрял шкаф. Старинный,

тяжелый явно, раз трое мужчин все в тех же синих спецовках, не могут справиться.

Терпеть не могу тормозить, но пришлось.

Отошла в сторону, остановилась поодаль от двух пенсионеров, с недовольным видом наблюдающих за действиями грузчиков, и между собой негромко переговаривающихся.

— Куда отъезжают-то, неизвестно?

— Куда-то в новый район, на центр-то, не хватило денег, молодуха-то хочет три комнаты, как здесь у них было.

— Хочет, она. Много хочет, мало получит, такую крепкую семью разрушила, вертихвостка! Правильно Нина сделала, что имущество разделила!

— Конечно правильно, неужели все им оставлять! Тонь, а эти-то, чудачки с четвертого этажа, Севе своему на день рождения, шарик воздушные заказали! Здоровому лбу!

— Ну, они каждый год шары заказывают, а вечером, после праздника выпускают с балкона и радуются. И торт здоровенный еще привезут, и этот будет, как его, аниматор, Аделаида, хвалилась. Песню мол ребенку исполнит, про пусть бегут неуклюже. Ладно, пойду за хлебом схожу и корма Василию подкупить, надо.

— Пройдусь с тобой, у моих тоже корм заканчивается.

Сплетницы поплелись обходить грузовик. И хорошо. Уши опухли, их слушать.

А тут, как раз грузчики наконец — то удосужились справиться с выносом шкафа. Освободили проход.

Я зашла в прохладу парадного, по широкой каменной лестнице, как в родном городе, начала не спеша подниматься на верхний этаж.

Дверь квартиры любимого, чуть приоткрыта. Странно, ждут что ли кого?

Если и ждут, то вряд ли, меня, я девушка культурная, просто так, не ввалюсь. Позвоню.

Тянусь рукой к кнопке дверного звонка.

И тут, в глубине квартиры так истошно заверещал телефон, что я не успев на кнопку нажать, машинально отдернула руку.

А потом...

Раздался усталый, но молодой и звонкий девичий голос.

– Здорово, Люсьен! Да, тут мебель таскали, шумели, вот и не слышала!

Я удивленно огляделась, неужели попала не туда? Да нет, туда, его это адрес, точно его.

Дочка, что ли? Дошло до меня. Но почему он никогда не говорил, что у него есть дочь?.. Любимый молчал о ней, потому что стеснялся своего возраста? Бедный...

А девичий голос, меж тем, после короткой паузы зазвучал вновь:

– Сегодня переезжаем, вот прямо сегодня, да. Покупатель торопит, просит быстрее освободить площадь! Знаешь, где я теперь проживать буду? В районе Кожухово, слышала о таком? И я раньше не слышала! Денег, видишь ли, на жилье в приличном районе не хватило! Просила отца добавить, а он отказал! Сказал, что больше пальцем для меня не пошевелит! Он же до сих пор на меня злится, отец, за то, что уговорила надавить на Олега, заставить развестись с типа больной, а на самом деле здоровой как лошадь, женой и жениться на мне...

В начале, я ничего толком не понимала, просто смотрела во все глаза на приоткрытую дверь и слушала.

А потом да, информация начала усваиваться.

Что ж это получается, а? Никакая она не дочь, эта громкоголовая девица! Ее отец надавил, заставил развестись, и... Жениться? Олега Игоревича, на ней. Жениться! Трындец...

По логике, нужно развернуться и убираться отсюда, куда подальше. Но дослушать – то, хочется, столько всего интересного, а девица разошлась, голос стал еще громче.